

УДК 811.14

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.07

И. И. Казаков, А. И. Чиварзина

**Современное состояние мегленорумынского языка
в условиях славяно-неславянских контактов
(Северная Македония)**

Казаков Иван Игоревич

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7601-3287

Чиварзина Александра Игоревна

Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российской Федерации

E-mail: a.chivarzina@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-0365-3723

Цитирование

Казаков И. И., Чиварзина А. И. Современное состояние мегленорумынского языка в условиях славяно-неславянских контактов (Северная Македония) // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 149–167.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.07

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00484-П/>.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025.

Рецензирование завершено 03.08.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В статье анализируются особенности мегленорумынского идиома на основе диалектных текстов, записанных от носителя из г. Гевгелия (родом из с. Ума) в Северной Македонии. Эти тексты были собраны во время этнолингвистической экспедиции, посвященной изучению похоронно-поминальной традиции, а также обслуживающей ее терминологии в языке балканороманского населения Македонии, в частности мегленорумын. Документация речи немногих оставшихся носителей

исчезающего мегленорумынского является первостепенной задачей для сохранения свидетельств о современном состоянии языка. Исследователи всегда отмечали существенное славянское влияние на мегленорумынский язык. Тем не менее, в условиях формирования национальных языков и языковой политики государств, на территории которых расположены мегленорумынские поселения, наблюдается усиление воздействия соответствующих языков на идиом. Данная работа концентрируется на ситуации в Северной Македонии. Представленный анализ также включает в себя сравнение мегленорумынского на территории Северной Македонии с более ранними описаниями языка. В статье подчеркивается уникальность собранного материала, отражающего живую речь носителя в конкретном этнокультурном контексте. Таким образом, собранный материал представляет значительную ценность не только для романского языкознания, но и для славистики, поскольку отражает языковые явления, обусловленные тесным контактом со славянами и славянскими диалектами.

Ключевые слова

Мегленорумынский идиом, мегленорумыны, языковые контакты, славяно-неславянские пограничья, Северная Македония.

Мегленорумыны, известные также как меглениты, вместе с арумынами составляют юго-восточную ветвь романских народов. Их язык, наряду с арумынским и истрорумынским, относится к балканороманским языкам (согласно точке зрения большинства румынских диалектологов, один из диалектов проторумынского языка наряду с дакорумынским, арумынским и истрорумынским) (Алисова и др. 2007: 49; Guia 2014: 184). В отличие от других балканских романских народов, мегленорумыны утратили этноним, происходящий от латинского слова *romanus* (ср. румынское *român*, арумынское *armân*, истрорумынское *rumeri / rutuni*)¹. Соседние народы, такие как южные славяне и греки, называют мегленорумынов и арумынов влахами (Kahl 2002). Термин «влах» применяется не только к романским народам Южной Славии, но и ко всем восточным романским сообществам

1 Исконная форма этнонима характеризуется ротацизмом *n > r*. Форма *rutuni* имеет научное происхождение и распространилась среди истрорумын посредством хорватских СМИ, а также через контакты с румынскими учеными.

в целом (Русаков 2006). Название «мегленорумын» имеет научное происхождение и не используется самими носителями языка. Этот термин был введен исследователями по аналогии с названиями «дакорумынский» и «истрорумынский», основываясь на географическом распространении различных групп балканороманских народов (Wiegand 1892; Черняк 1990: 221).

Мегленорумынское население сосредоточено вокруг долины Меглен, расположенной к северу от Салоникского залива, на правом берегу р. Вардар вдоль горной цепи. В этом преимущественно славяноязычном регионе ранее существовали несколько компактно расположенных мегленорумынских поселений: крупное и наиболее хорошо изученное исследователями село Нотия, а также Лунгута, Бирислав, Ошаны, Лумница, Црнарека и др. Населенные пункты на территории современной Северной Македонии – Ума, Серменин и Конско – опустели. Значительные общины мегленорумын проживают в городах Гевгелия и Скопье (Северная Македония), а также в Салониках, Аридее и Аксюполисе (Греция) (Capidan 1925; Kahl 2002; Κουκούδης 2001).

На сегодняшний день точное количество носителей мегленорумынского языка остается неопределенным, поскольку данные переписей населения не содержат специфических обозначений для этой группы. Например, согласно переписи 2021 г., в Гевгелии зарегистрировано 260 человек, указанных как влахи. Поскольку этнонимы «мегленец» или «мегленорумын» в списке отсутствовали, на основе свидетельств информантов² можно предположить, что все эти люди принадлежат к мегленорумынской общине. По оценкам ученых, общее количество мегленорумын не превышает 5 000 человек (Guia 2014: 186).

Село Ума (или Хума) – единственное сохранившееся мегленорумынское поселение на территории Северной Македонии. Его название связано с глинистой почвой в этом районе (мак. *ума* ‘белая глина’), однако существует предание, что изначально село называлось Шаптифрац (*Shaptifrats*) в честь семерых братьев, основавших деревню (Стамков 2019: 11). Село расположено на склонах горы Кожув, а его жители традиционно занимались овцеводством. Многочисленные старые топонимы, сохранившиеся в Уме или зафиксированные в документах, указывают на влияние

² См. MAKSTAT database. URL: https://makstat.stat.gov.mk/PXWeb/pxweb/mk/MakStat/MakStat_Popisi_Popis2021_NaselenieVkupno_PodatociNaselenie/T1503P21.px (дата обращения: 20.06.2025).

восточнороманского языка в данной местности: *Порта ал Ванти* «южные ворота», *Виньори* «виноградники», *Круци* «крест, место, где совершались церковные ритуалы», *Р'панца Пата* «вбитый камень», *Цитати* «крепость, место сторожевой вышки», *Брего Алба* «белый берег; место, где добывалась белая глина», *Трапо ди Луњ* «место, где растет фундук» и др.

Примечательно, что в 1950-е гг. жители Умы, как и других мегленорумынских поселений на территории бывшей Югославии, были организованно переселены в Гевгелию (Стамков 2019: 27–29). В настоящее время в Уме постоянно проживают только 4 человека, из которых 3 числятся влахами, согласно данным переписи³.

Статус мегленорумынского языка вызывает споры как среди ученых, так и среди самих носителей. В лингвистике мегленорумынский рассматривается как отдельный от арумынского, что связано с исследованиями Г. Вейганда, который впервые описал этот язык в 1892 г. (Wiegand 1892). Однако его статус, как и других балканорумынских языков, зависит от традиций конкретной научной школы. Так, большинство румынских лингвистов считают мегленорумынский диалектом проторумынского языка⁴, в то время как в российской лингвистике он часто определяется как самостоятельный (малый) балканороманский язык, см. (Guia 2014; Черняк 1990).

Несмотря на то, что в науке разграничиваются понятия «арумыны» и «мегленорумыны», «арумынский язык / диалект» и «мегленорумынский язык / диалект», для носителей данное разграничение нерелевантно. По свидетельствам информантов, собранным во время экспедиции к мегленорумынам Северной Македонии, мегленорумынский воспринимается носителями как разновидность арумынского языка: *Îo štîu vlăşéşte. Armănéşte, nu vlăşéşte* [Я знаю влашский. Арумынский, не влашский]; *Nój im armă'nî-machedónî. Armă'nî!* Македонски власи [Мы арумыны-македонцы. Арумыны! Македонские влахи]. Таким образом, носители чаще идентифицируют себя как часть арумынского сообщества, называя себя македонскими арумынами или влахами.

³ См. MAKSTAT database.

⁴ Существует и иной взгляд на мегленорумынский диалект: согласно мнению ряда исследователей, в том числе О. Денсушяну, П. Атанасова, мегленорумыны имеют северодунайское происхождение. Соответственно мегленорумынский является более архаичной стадией дакорумынского диалекта, и его, согласно данной точке зрения, следует рассматривать как его поддиалект, см. (Guia 2014: 185).

В связи со стремительно сокращающимся числом носителей, отсутствием государственной поддержки в популяризации языка мегленорумынский на сегодняшний день находится на грани исчезновения на территории Республики Северная Македония.

В ходе этнолингвистического исследования в г. Гевгелия и с. Ума были опрошены пять человек мегленорумынского происхождения. Однако только один из информантов владел языком на уровне, достаточном для общения без перехода на македонский язык⁵. Речь этого информанта представляет особый интерес из-за наличия заимствований из македонского и итальянского языков⁶, а также их взаимодействия с системой мегленорумынского идиома.

В данной статье будут представлены ключевые лингвистические особенности мегленорумынского языка на основе записей речи информанта из г. Гевгелия (родом из с. Ума), сделанных авторами в экспедиции 2023 г. Особое внимание уделяется выявлению и описанию актуальных языковых процессов, происходящих на современном этапе, в сопоставлении с диахроническими данными, зафиксированными в XX в.

Фонетические особенности

Вокализм:

Сохранение дифтонга *ea* после губных вне зависимости от тембра гласного в последующем слоге, как в общерумынском: *vęáră* ‘лето’ (ср. с рум. *vară* < лат. *vera*). В иных позициях, например после *r*, *t*, Т. Капидан отмечает регулярную монофтонгизацию (Capidan 1925: 107). У нашего информанта она имеет спорадический характер: *gărſescă* ‘греческая’ (ср. *bugărăscă* ‘болгарская’).

В речи информанта отмечается звук *a*, реализующийся как более закрытый *a* или средний между *a* и *ă* в этимологической группе *á + n, m +* взрывной согласный (Capidan 1925: 97): *an* ‘в’, *amvîžeái* ‘учил’, *antręábă* ‘спрашивает’, *apárój* ‘назад’. В то же время в большинстве мегленорумынских населенных пунктов в данной этимологической группе имеет место переход в носовой *o*: *tópnă* ‘рука’. В сс. Ума и Црнарека данный феномен не отмечается, у информанта также отсутствует (Capidan 1925: 97).

Фиксируется регулярная афереза в формах глагола *iri* ‘быть’ в имперфекте и в формах указательных местоимений: *ra* ‘был’, *ráu*

5 Вопросы информантам задавались на македонском и румынском языках.

6 См. ниже краткую биографию информанта.

‘были’, *tel* ‘тот’, *teá* ‘та’, отмечающаяся и в иных населенных пунктах (Capidan 1925: 153, 172). В речи информанта встречаются и иные случаи спорадической аферезы: *mo < sto* ‘сейчас’, *ángă < lángă* ‘возле’. Наречие *atún̄tea* ‘тогда’ было зафиксировано как в полной форме, так и с аферезой (*tún̄tea*).

В речи информанта отмечается удлиненное произнесение *a* в контекстах *a + n* и *a + r*: *ánu* ‘год’, *păl'árră* ‘разделилась’. Примечательно, что, хотя данный феномен описывается Т. Капиданом, исключается его распространение в с. Ума и Црнареца (Capidan 1925: 97).

У /i/ в позиции конца слова фиксируются несколько вариантов реализации. После согласных *r*, *p*, *m* (в речи нашего информанта – после *f*) происходит апокопа конечного /i/ и предыдущий согласный произносится велярно: *šájzé́t* ‘шестьдесят’. В остальных случаях отмечается афонизация *i*: *machedóni* ‘македонцы’, *vláši* ‘влахи’, *sórí* ‘сестры’.

В ряде случаев было зафиксировано произнесение слогового *i*: *ńinti* ‘пять’, *límbi* ‘языки’. Отмечается также и веляризация конечного *i*: *láită* ‘другие’, *capitalistă* ‘капиталисты’. Подобный феномен описывается Капиданом как вероятный результат влияния арумын-грамостян. В то же время отмечается, что данная особенность характерна только для с. Црнареца (Capidan 1925: 114).

Консонантизм:

Сохранение этимологического палатализованного *l'* в консонантных группах *cl'*, *gl'*, прошедшего в дакорумынском ареале процесс полной палатализации: *vécl'ă* ‘старая’.

Велярные взрывные *c*, *g* в сочетании с гласными *e*, *i* развивались в аффрикату *t*: *tel* ‘тот’, *ti* ‘что’, *teré́t* ‘хотите’ (ср. с рум. *čel*, *če*, *čereči*). В то же время общерумынские препалатальные аффрикаты, развившиеся из латинских сочетаний *c*, *t + io*, *iu* / *d + io*, *iu*, сохраняются в мегленорумынском: *fičjór* ‘сын, мальчик’.

/l/ в позиции конца слова произносится велярно. В случае бессарабского ареала, где также наблюдается данный феномен (*jél*, *tel*), это объясняется влиянием русского и украинского языков (Ştefănescu 2017: 62). Представляется, что веляризация /l/ в случае мегленорумынского ареала также обуславливается славянским влиянием. При этом происходит апокопа конечного *-l* в форме определенного артикля мужского рода единственного числа *-ul* так же: *ghijítu* ‘жизнь’, *vózu* ‘поезд’.

/ʃ/ в начале слова палатализируется в /h/, а затем происходит его афереза: *im* ‘мы есть’.

Палатализация /m/ > /ń/: *q'ńi* ‘мне’, а также палатализация в конечной стадии в случае прочих губных: *v* > *g'*: *gijitu* ‘жизнь’ (< лат. *vita*).

Апокопа -*c* в глаголах с суффиксом -*esc*: *sirbés* ‘работаю’ (< лат. *servire*), *naťartés* ‘нарисую’ (< мак. *нацрта*). Апокопе также подвергается *d* в позиции конца слова перед носовым согласным: *cən* ‘когда’.

Морфологические особенности

Определенный artikelъ мужского рода единственного числа (за исключением с. Црнареца) имеет апокопированную форму -*u* (< -*ul*): *gijitu* ‘жизнь’.

В речи информанта встречается употребление македонского определенного artikelъ -*to* в слове, образованном от общерумынского корня *mic-* с македонской флексией -*čco*: *míčcoto* ‘маленький’, а также -*ta* с порядковым числительным – *patrata* ‘четвертая’.

Неопределенный artikelъ женского рода сохраняет архаическую форму *únă* (< лат. *unam*): *únă mil'ă* ‘тысяча’, *únă vále* ‘долина’.

При употреблении указательного местоимения в препозиции к существительному отмечается редундантное выражение определенности: *tel tutúni* ‘ тот табак’.

В области употребления притяжательных местоимений для мегленорумынского характерны две особенности, которые отличают его от остальных балкано-романских идиомов, – препозиция притяжательного местоимения и отсутствие определенного artikelъ у имени: *meá bábă* ‘моя бабушка’, *meá mátre* ‘моя мать’. Для прилагательных также характерно употребление в препозиции: *angličéánsca grupă* ‘английская группа’, *u álbă căciúlă* ‘белая шапка’. Препозиция как притяжательных местоимений, так и прилагательных, согласно Капидану, однозначно объясняется славянским влиянием (Capidan 1925: 204).

Примечательны особенности употребления порядковых числительных в речи информанта. Формы, образуемые с предлогом *la* и artikelем -*li* (*la douli* ‘второй’), приводимые Капиданом (Capidan 1925: 156), не характерны для информанта. В речи информанта встречается использование македонских порядковых числительных *десети век* ‘десятый век’, *terza* <*grupă*> ‘третья <группа>’, а также гибридные славяно-романские формы по типу *pátrăta* <*grupă*> ‘третья <группа>’ (с использованием македонского определенного члена), а также сочетание количественного числительного и предлога *di*: *zéáti di vek* ‘десятый век’.

Формы презенса первого лица единственного числа и третьего лица множественного числа глагола *íri* ‘быть’ имеют в меглено-

румынском форме *sam* (*săm*), *sa* (*să*), восходящие, согласно Г. Вейганду и Т. Капидану, к болг. съм, съ (Capidan 1925: 171). Капидан отмечает, что в его полевых исследованиях не удалось зафиксировать формы *săm* и *să*, упоминаемые Вейгандом, и допускает, что они могут встречаться в с. Лумница. Заметим, что в речи нашего информанта встречаются исключительно формы *săm* (*să'*) и *să*, что свидетельствует не только об их бытовании наряду с *sam* и *sa*, но и о широте географического распространения (ср. мак. *сам*, *се*). Для с. Црнарека также характерна форма *esci*, заимствованная от арумын-грамостян. В речи нашего носителя, как и других информантов из г. Гевгелия, вступающих в контакт с арумынами, последняя зафиксирована не была. В третьем лице единственном числе отмечаются и полная форма, и краткие: *jásti*, *je*, (*ă*)*i* (Capidan 1925: 171).

Для выражения аористных значений в мегленорумынском преимущественно отмечается употребление простого перфекта: *qmvíteái* ‘учил’, *pál’á’rā* ‘разделилась’, *fuzí* ‘бежал’. Наряду с простым перфектом, хотя и в значительно реже, в речи нашего информанта встречается употребление сложного перфекта от глаголов *véári* и *íri*. В сложном перфекте с *veári* Капидан описывает постпозицию вспомогательного глагола (*cántat-am* ‘пел’) как единственно возможную (Capidan 1925: 166). В исследуемой речи нами было зафиксировано употребление вспомогательного глагола исключительно в препозиции к основному: *uá a fost frónți* «здесь проходил фронт». Возможность употребления вспомогательного глагола как в препозиции, так и в постпозиции к основному глаголу отмечается и в более поздних исследованиях (Atanasov 2002: 243–244; 2011: 484).

В ряде глагольных форм отмечаются префиксы славянского происхождения *na-*, *du-* для образования форм совершенного вида: *nařáťeš* ‘нарисую’, *duspíš* ‘досказал’. Подобный феномен отмечает П. Атанасов, описывая их как морфемы, отражающие полное завершение действия (Atanasov 1977: 50). Имеющийся материал не позволяет сделать выводов о степени грамматикализации оппозиции «совершенный / несовершенный вид» в мегленорумынском. В то же время симптоматичны иные способы, описываемые В. Фридманом и Б. Джозефом, используемые в мегленорумынском для формирования видовой оппозиции. Так, отмечаются формы *lăpăjiri* ‘глотать’ – *lăpníri* ‘проглотить’ (ср. мак. *лана* – *ланне*), где показателем видовой оппозиции является инфикс *-n-*. Как отмечают исследователи, хотя более продуктивным для мегленорумынского оказывается префиксальный способ образования совершенного вида, подобный репертуар морфем свидетельствует о высокой продуктивности образования видовых оппозиций в мегленорумынском (Friedman, Joseph 2025: 652).

Во всех языках балкано-романского ареала, кроме мегленорумынского, присутствует будущее время, образованное с помощью вспомогательного глагола от лат. *volere*⁷. В мегленорумынском для образования будущего времени используются формы, идентичные презенсу конъюнктива: *s-ubid'ém lucru*. Разница между значениями будущего времени и конъюнктива, таким образом, исходит из контекста, при этом не исключается и смешение модальных значений: *чтобы найти работу / я найду работу*.

Лексические особенности

Изолированность мегленорумынского от остального балкано-романского ареала обусловила сохранение ряда лексем латинского происхождения, утраченных в других языках. Среди них отметим *corp*⁸ < лат. *corpus* ‘тело’, *dărtçári* < лат. *dolatoria* ‘топорик’, *gijíri* < лат. *vivere* ‘жить’, *sirbíri* < лат. *servire* ‘работать’.

Наиболее сильное иноязычное влияние мегленорумынский испытал со стороны славянских языков (в настоящее время – македонского). Более того, как отмечает Капидан, степень этого влияния превосходит греческое влияние на арумынский (Capidan 1925: 86). В то же время влияние греческого и турецкого на мегленорумынский, по сравнению со славянским, незначительно (Atanasov 1977: 48).

В исследуемой речи информанта встречается множество вкраплений из македонского языка⁹ как славянского, как и тюркского происхождения: славизмы – *ded* ‘дед’, *voz* ‘поезд’, *fărtári* ‘рисовать’, *ubidíri* ‘искать’, *páliri* ‘жжение’; тюркизмы – **măubetári*¹⁰, *lăfíri* ‘говорить’. При этом отмечаются многочисленные случаи использования неадаптированных македонских лексем, в особенности союзов и междометий: *и, или, нели* и т. д.

7 В дакорумынском и истрорумынском ареалах вспомогательные глаголы имеют полную парадигму форм и сопровождают инфинитив (рум. *voi chëma*, истрорум. *voi cl'ëma* «позову»). В арумынском сохранилась только форма третьего лица единственного числа, сопровождающая форму конъюнктива (арум. *va s-cântu* ‘спою’).

8 Употребление румынской лексемы *corp*, бытующей наряду со славянской лексемой *trup*, возникло относительно недавно посредством ее введения в научный дискурс.

9 В речи носителя встречаются и обратные случаи заимствований – из мегленорумынского в македонский, хотя это число незначительно: *ако сте аузиле* «если вы слышали».

10 Форма *măubetu* ‘говорю, беседую’, зафиксированная в речи информанта, восходит к мак. *муабети*. Поскольку данный глагол не обнаруживается в словаре Т. Капидана, мы указываем предполагаемую форму инфинитива.

Для нашего информанта, ввиду биографии, связанной с его длительным проживанием в Италии, характерны окказиональные заимствования (в терминологии Ш. Поплак) из итальянского, что сближает его речь с исторорумынской: *parola* ‘слово’, *lingua* ‘язык’, *carabinieri* ‘карабинеры’.

Географические названия, встречающиеся в речи информанта, преимущественно представлены в македонской (реже – итальянской) форме: *Македонија, Скопје, Југославија, Швајцарија, Svizzera, Zurigo, Trieste*.

Отдельно отметим, что в области терминологии похоронно-поминальной обрядности, основного объекта нашего полевого обследования, практически полностью утрачены лексемы латинского происхождения. Были зафиксированы единичные лексемы, имеющие общероманский характер и встречающиеся во всех разновидностях балканороманской речи: *muri* (покойник), *plāndzi* (оплакивание), *angropari* (похороны), *luminare* (свеча). Для прочих пунктов анкеты мегленорумынские информанты использовали термины на македонском языке.

Как свидетельствуют приведенные выше особенности, мегленорумынский язык занимает особое положение среди восточнороманских идиомов, демонстрируя значительные отличия от других их представителей. Указанные отличия в значительной степени обусловлены интенсивным влиянием славянских языков, в первую очередь македонского. Элементы последнего прослеживаются на всех уровнях языковой структуры мегленорумынского – фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом, что позволяет говорить о глубокой степени языкового взаимодействия. Показательно, что в спонтанной речи информантов фиксируются регулярные случаи переключения на македонский язык, в том числе внутри одного коммуникативного акта: *Nu štīj macedonéšt – ãñi zípi. Nu štīj македонска límbă. Сит ни štīu? Štīj. Ништо! На полагање, нeli?* [Ты не знаешь македонский – он мне говорит. Ты не знаешь македонский язык. Как не знаю? Знаю. Ничего! На пересдачу].

Приведенный выше пример демонстрирует интенсивное языковое взаимодействие, характеризующееся как активным заимствованием лексических единиц, так и устойчивыми формами кодового переключения в повседневной коммуникативной практике. Воздействие македонского языка, таким образом, выступает не только отражением длительных историко-культурных контактов, но и значимым фактором, способствующим ускоренной языковой ассимиляции мегленорумынского.

Тем не менее, несмотря на выраженное влияние македонского, структурная база мегленорумынского языка – в частности, его фонетическая,

морфологическая и лексическая система – сохраняет общерумынский характер, аналогично тому, что наблюдается в арумынском и исторорумынском идиомах (подробнее см.: Kazakov, Chivarzina 2024).

В то же время материалы, полученные в ходе полевых исследований, в том числе результаты анализа спонтанной речи информанта, позволяют говорить о выраженной тенденции к полной языковой ассимиляции мегленорумынского македонским. Указанная тенденция актуализирует проблему сохранения мегленорумынского как отдельного южнодунайского идиома и свидетельствует о реальной угрозе его исчезновения.

Сведения об информанте

Владо Танов, 1941 г. р.¹¹, родился и получил начальное образование в с. Ума (на территории бывшей Югославии). В молодости он отправился на заработки в Европу, где освоил итальянский и немецкий языки, влияние которых проявляется в его мегленорумынской речи. Владение языком у информанта свободное: он уверенно отвечает на вопросы, не переключаясь на македонский язык, за исключением редких лексических заимствований. Однако при обсуждении специфической лексики, связанной с похоронно-поминальными традициями, у него возникали трудности.

В статье приведены избранные отрывки из часовой беседы с Владо Танова, которые позволяют составить общее представление о мегленорумынском идиоме. Эти примеры иллюстрируют ключевые особенности языка на современном этапе, подтверждая вышеизложенные тезисы о его фонетической, морфологической и лексической структуре, а также о влиянии других языков.

Транскрипты избранных отрывков беседы¹²

Îó štiú vlăşeşte. Armăneşte, nu vlăşeşte. Męá límbă je múltu věcl'ă límbă. Io ămviţeâj límbă di la męá bábă. Şi méu ded, toť să di Úmă... Áma măybétu cu mę mátre și pátre, neli¹³? Toť să vlás. A límba ę štiú, di la bába ę ămviţeâj ... ąn Gevgelíja, di kolku ... şáse meş, di şáse meş. Amó sám şaptăzéci și nóuă di ánji. Arám ąn Svizzera. Sirbí ąn Şvítera, zéte ánji. Cum electričeár,

11 Сведения даны со слов информанта; в процессе интервью он дважды называл другой возраст, что отражено в приведенных ниже текстах.

12 Для записи текстов были использованы принципы транскрипции ALR (Atlasul Lingvistic Român).

13 Иноязычные вкрапления (македонские и итальянские) в речи информанта здесь и в дальнейшем мы выделяем курсивом.

електрикар, нели? Сакаш само влашки да ти лафам? Cló ămvițeái límba italjánă, lingua lătínă, italjánă și límba tedescă, немачки. [...] Ho imparato lingua italiana, perche italiani non sapevano tedesco. А јо, come macedonico, нели, límba vlășescă álfă u și límba makedonéscă și mó și límba tedescă, tréi límbi, și límba l'italiana – pátru límbi. Nu să' bun, нели? [Я знаю влашский. Арумынский, не влашский. Мой язык – очень старый язык. Я выучил язык от моей бабушки. И мой дед, все из Хумы... И с мамой и отцом говорил. Все влахи. А язык я знаю, у бабушки учился. В Гевгелии, со скольки... с шести месяцев, шести месяцев. А мне шестьдесят девять лет. Работал в Швейцарии. В Швейцарии десять лет работал. Электриком. Хочешь, чтобы я с тобой только по- влашски говорил? Там я выучил итальянский язык, латинский язык, итальянский и немецкий. [...] Я выучил итальянский, потому что итальянцы не знали немецкого. А я, македонец, по- влашски говорил и по- македонски, еще и по- немецки, три языка, и по- итальянски – четыре языка. Разве я не хороший?]

Ți terét s-vă spun? Méu cătún, Úmă, patărdzăț și tînti de ánu, cän säm jo nät cló ạn Úmă, nu veá lálță, să di vlás. Tot cătunu ra vlás. A biseárică-i di únă mil'a nuáuă súti... nu... săpti súti și săzízéti di ánu. Di túnțea ie téa biseárică ạn Úmă, vécl'a. Ió la am un cádru, cádru am. Un fićior ți sirbeáu cum ... ca mál'ar, ți tărtă, néli, mál'ar. Iél víni ă'ngă míni ạn Svizzera, ió ram ạn Zuri-go. Zurigo știi iú-i? ạn Швейцаруа. Si cló sirbeám, jél víni ă'ngă míni, zíti: «Vládu, io s-mi duc ạn Úmă, să-ă naťartés téa biseárică vúastră, iu iěști tu nät și să-ă dáu cádru, нeli?» Si jé'l si dúsí ạn Австралија, să ghięască. [Что вы хотите, чтобы я вам рассказал? Мое село, Ума, так, теперь он 1945-го, никого не было, кроме влахов. Все село было влашским. А церковь с тысяча девятьсот... нет, семьсот шестьдесят девятого года. С того времени та церковь в Уме, старая. У меня есть картина с ней, есть у меня картина. Парень, который работал маляром, который рисовал, маляр. Он подходит ко мне в Швейцарии, я тогда был в Цюрихе. Цюрих знаешь, где? В Швейцарии. Там я работал, он подходит ко мне и говорит: «Владу, я поеду в Уму, чтобы нарисовать ту вашу церковь, где ты родился, и отдам тебе картину». И уехал он жить в Австралию.]

Şi ţeă... ţel cădru iō l-am, ámă, biséárică cum ăi, crûti d'esúpră, crûte, nu v  . C   t   pat  rz  t   t  n  t di   nu, Machedonia c  n p  l'  r   la tr  j parti,   n  a parti ra g  rt  sc  , lal  lt   ra bug  re  sc  ,   t   n  astr     n Jугославија,   neli? At  n  t  a   á a fost fr  ntu. Pat  rz  t   t  n  t. Di t  n  t  a noj im myku   n Jугославија,   neli, noj ram. Ám   i     amvi  te  i   sc  l   makedon  sc  ,   n Jугославија. Si tot gi  jitu n  -i la m  ni   á   n G  vgelija. Cu   ptespr  t di an  , di   á, zic, s-mi duc si sirbes   n Evr  opa. Cu d  d  u   m  n  i. Di   á cu v  z  u, mi d  s  i p  n di C  ronje, di C  ronje – Belgrad, di Belgrad an Italia. Pr  st  i

grániťa mi fuzí. Viní ąn *Trieste*, ąn Trăst. ąn Trăst... Zic, mó ju s-mi duc nă-trebuiăști dóuă límbi [...] să ubid'ém lúcru, tri s-sirbészti, *neli*? Tri si scót *naru*. Că noi im tréi frát și dóuă sóri. Tínț. Méu tátă, uá ąn Gévgeliјa, sirbeá mozăiíc. [...] Si tot giíitu ăl trecú, patrudzăt di áni sirbí uá, ąn *Jugoslaviјa*, că ra... túntea nu v   capitalistă și l  lt  . T  t r  u, *neli*, sirbeá l  m  a. [И та картина есть у меня, а на церкви креста, сверху креста не было. Потому что в сорок пятом году, когда Македония разделилась на три части, одна часть была греческой, другая болгарской, а наша – в Югославии. Тогда здесь проходил фронт. В сорок пятом. С того момента мы здесь в Югославии, мы были. А я учился в македонской школе в Югославии. И вся жизнь у меня прошла в Гевгелии. В семнадцать лет я решил поехать отсюда работать в Европу. Двумя руками. Отсюда на поезде я поехал до Скопье, Скопье – Белград, из в Белграда в Италию. Через границу я бежал. Приехал в Триест. Думаю, там, куда я сейчас еду, мне нужно два языка [...], чтобы найти работу, чтобы работать. Чтобы зарабатывать деньги. Ведь нас три брата и две сестры. Пятеро. Мой отец занимался плиткой (?). [...] И всю жизнь провел, сорок пять лет работал здесь, в Югославии, потому что было... тогда не было капиталистов и остальных. Все, работали люди.]

M  u c  t  n, eu l   zic la l  m  a, m  u c  t  n,   m  , n  i c   nu-   fost an lal  lt   dr  sava. Ni ąn *Griju*, ni ąn... Tuju ąn Machedónia, *neli*? Machedónia a fost u   ánc   di vr  m  a Alex  ndar *Gran*. Alex  ndar M  nt  .   t  j   -i m  nt  ? M  nt  ! O fost cu m  ntili om, *neli*? *Tue* s   pr  mili om di vl  ši, di   ea vr  me. Ántru n  astr  ... ántru H  rist  .   ea vr  mi. La p  tru *vek* ántru n  astr   nou   er  . Значи, di túntea ánc   au fost vl  ši u  . Machedónia nu a fost   ea di... An *decesemti vek*, ze  ti di *vek* vin slov  nij u  , македонски   i l  f  s, a no  i vl  ši im. N   st  m di c  n.   m   ąn *Evrона*,   re pátru límbi. Úna i  é словенска límb  , clo s   *Јugoslávia*, Чешкска, Польска, Словачка, Хрватска, Бугарија, Русија, Украина. *Tue* s   slov  n  c   gr  p  ,   i zic.   i l  f  s словенски. A lal  lt   gr  p   e roman  sc   gr  p  . Roman  sc   gr  p   s   fran  t  zi, itali  ni, spani  lt  , rum  ni. Cáre-s l  lt  ? Arm  ni, arm  ni-mached  ni. Ter  ta – s   ... ánglo-sax  nsca: *Англија*, *Германија*, *Холандија*, *Svizzera*, *Аустрија*. *Tue* s   angli  c  ansca grup  , *neli*? Ánglo-sax  nsca. Si p  tr  ta-  ... dóuă dr  savi, gr  pa, *Griju* и *Ma  ari*. *Шиптару* s   a n  astr   gr  p  . An rum  n  c   gr  p  . Arm  n  sc   gr  p  .   m   nu s   *Шиптару*. Tie s   Alb  ni. Alb  ni.   t  i a   avut u   álb   c  ci  l  . [Мое село, я так всем говорю, мое село, Ума, никогда и не было в другой стране. Ни в Греции, ни в... Здесь, в Македонии. Македония здесь была еще со временем Александра *Gran*. Александр Мудрый. Знаешь, что такое *mint  *? Он мудрым ведь был человеком? Это – первые влахи, с того времени. До нашей... До нашей эры. То время. Четвертый век до нашей эры. Так вот, с того

времени были влахи здесь. Македония не была такой... В десятом веке пришли сюда славяне, которые говорят на македонском, а мы влахи. Не знаем, с какого времени. А в Европе четыре языка. Один – славянский язык, там, где Югославия, Чехия, Польша, Словакия, Хорватия, Болгария, Россия, Украина. Это – славянская группа, на котором говорят. Которые говорят на славянском. А другая группа – романская. Романская группа – это французы, итальянцы, испанцы, румыны. Кто еще? Арумыны, арумыны-македонцы. Третья – это... англо-саксонская: Англия, Германия, Голландия, Швейцария, Австрия. Это английская группа. И четвертая... две страны, группа, греки и венгры. Шиптары в нашей группе. В румынской группе. Арумынской группе. Только они не шиптары. Они албанцы. Албанцы. Знаешь, потому что у них была белая шапка.]

Cu săptă di ánī, *pochnaa*, cătără si-ní zícă fićorij: «Vlădă je vlah. Vlădă je vlah. Vlădă je vlah». Io zic: «Nu stiu tî je têla, vlah, neli? Vlaş...». Di míćoto săm dus, săm vinít lă Gévgelije, și io-i zic, la meá mátră-i zic: «Tî je tel, vlah, ma?». Nói că avém laláltă límbă, *neli?* Noi lăfim, amă tel... têá parolă, vlah, nû-i búnă. Nû-i búnă, că nu im nój vlăši. Nói im armăni-makedóni. Armăni! *Македонски власи.* [В семь лет начали мне говорить дети: «Владу – влах. Владу – влах. Владу – влах». Я думаю: «Не знаю, что это такое, влах. Влахи...». Еще маленьkim я приехал в Гевгелию и говорю моей маме: «Что это такое этот влах, мам?» У нас ведь другой язык? Мы говорим, но тот... то слово, влах, нехорошее. Нехорошее, потому что мы не влахи. Мы македонские румыны. Румыны! Македонские влахи.]

A meá mátră zíti noj si sâdím tutún. Tutún, amă tel tutúnu, sabáilea s-mi scol, că nu ghijém jo uă, têástă cásă u dărăi di cän vení din Sviităria. Io dărăi ... Sabáilea cän ram níc, di şase-sápte ánī, mătă zíti: Vladu, scuólă-ti, că-s ni-dútem la tutúnu, si dunám tutúnu, *neli?* Io di la têástă párti tórmu la láltă párté ...s-dórmu. Dút-vă voi, jo s-vin. [Мама говорила нам сажать табак. Табак, а тот табак, приходилось вставать рано с утра, потому что я жил не в этом доме, этот дом я построил, как вернулся из Швейцарии. Я построил... С утра, когда я был маленький, шесть-семь лет, мама говорит: «Владу, вставай, пойдем на табак, собирать табак». Я с одной стороны переворачиваюсь на другую... чтобы дальше спать. «Вы идите, а я приду».]

Si végá únă vále ua än Ghevghelije. Di têá párti di la vále e Gârchie. A di la têástă párti-i Gevgelije, än Jugoslávia. Si cän mi-duțeám míćico tu clo, än vále végá péște. Știț ce-i péște, *neli?* Si io [...] si caț vrin péște, si-l turés națuără, cu măni. Vrinăuără s-u caț vrină *жасба*... Nu stiu cum aî zic la *жасба*... năpărtiți végá, зми, *neli?* Amă têá vréme nu ram páznic. [И была река здесь в Гевгелии. А с той стороны реки – Греция. С этой стороны – Гевгелия, в Югославии. И когда я маленький ходил туда, в реке

была рыба. Знаешь ведь, что такое *pește*? И я пытался поймать какую-нибудь рыбку, вытащить наружу, руками. Иногда, бывало, ловил лягушек... Не знаю, как сказать «лягушка» <по-мегленорумынски>... змеи были, змии, так ведь? Но тогда я не был осторожен.]

Io nu vă duspăr. Cătăi să zic [...] di Italia până di Frânta viní. Cu săptisprăț di ánă. Fuzi prísti grániță, viní an Trieste, di Trieste an Venezia, di Venezia – Padova, Savona, Milano, Turino. Vení până di Frânta. Mi cătără, cu vózu mi duțém, mi cătără carabineri italiani. Si mi tornără anapój, an Македонија. Că-ní antrébă: «Ți iéști tu, catolic ili ... ? Ți iéști?». Nu, io zic: Sám ortodox. [...] Vlăși să православни, нели? Di țea vréme. Si mi tornará anapój. Mi tornáră, uá, an Југославија. [Я вам недорассказал. Я начал говорить [...] из Италии во Францию приехал. В семнадцать лет. Бежал через границу, приехал в Триест, из Триеста в Венецию, из Венеции – Савона, Милан, Турин. Добрался до Франции. Забрался, на поезде поехал, меня задержали итальянские карабинеры. И вернули меня обратно, в Македонию. Спрашивают у меня: «Кто ты, католик или...? Кто ты?» «Нет, – говорю, – я православный». [...] Влахи православные. Еще с тех времен. И вернули меня. Вернули меня сюда, в Югославию.]

Víni vréame, anviéam gimnázia. Gimnázia... nuástră генерација ráu dóa clásuri. Únă ra македонски, laláltă ra tri matemática. Matemática jó ní pišíi. Tel prófesor te ra la македонски mi lásă la полагање. Туáte ráu tréi și pátru, tréi și pátru. Să' di iéu si căt și dóuă túnțea an țea vréme. «Nu štii machedonéște» – ánă zíti. «Nu štii македонска límbă». Cum nu štii? Штиу. Ништо! На полагање, нели? Туátă veárá trăbuíá sá anvét, ál anviéam Kocsta Raçin. Si cătata nu șirbít la cásă, iel ra majstor méu tátă. Si nu șirbít ti s-sirbeáscă și tel prófesor mi кутне цел an... Trăbuíá s-anvét áncă un an. [Пришло время, я учился в гимназии. Гимназия... в нашем потоке было два класса. Один македонский, в другом занимались математикой. Я в математический поступил. А преподаватель по македонскому оставил меня на пересдачу. У всех было три и четыре, три и четыре. Только мне случалось и двойку схватить в то время. «Ты не знаешь македонский, – говорит он мне. – Ты не знаешь македонский язык». Как не знаю? Знаю. Ничего! На пересдачу. Все лето мне пришлось учиться, изучал Косту Рацина. И отец не работал дома, он был мастером, мой отец. И ему было негде работать, и тот преподаватель целый год мне убил. Пришлось учиться еще целый год.]

An Ckonje si dișclisi, земјотпесом cän ra, şajzéci și tréi de ánă, prima поплава, нели. Dúpă земјотпес si dișclisi scólă tri електроапарата, радио, телевизија, tári lúcri. Io mi pišíi doj ani tri electričist, нели. Si am lálta diplomă și di clo cu vózu cän mi duțeam an Ckonje, ánă pisiám concurs, veá gazéti

din *Грција*. Concúrs ári tri lúcru. Pisiám ạn *Германија*, pisiám ạn Fránța. Су речник pisiám. [...] Mai ănapoј ăńi vini ună cărti, zíti... Și ăńi víni din Zürich si zíti. Zíti: Vlado, lásă documénti, ti aj diplomă tri eléctro. [...] Du-ti ạn consulát, ạn Belgrad. Scuáti-ț nacou și o lăsă si-ț da stâmbil din Șveițaria că pótî si sîrbéști. Aăă, zic, tri míni je mo bun. Și jo lă zic lă máträ zic, lă páträ s-mi duc ạn Șveițaria. Ti si făti clo ạn Șveițaria? Fecióri? Mi duș ạn Belgrád. Vinij. Dărără clo țeá víză, neli? Cătă bucurós ram! Nú štiu! [В Скопье открылась, когда было землетрясение, в 63 году, сначала наводнение, так. После землетрясения открылось первое училище по электроаппаратуре, радио, телевидению, такие вещи. И два года я учился на электрика. У меня есть диплом, и оттуда, когда я на поезде ездил в Скопье, участвовал в конкурсе, были газеты из Греции. Конкурс на работу. Подавался в Германию, подавался во Францию. Через газету подавался. [...] А потом приходит письмо, говорит... Приходит из Цюриха и говорит: Влад, подавай документы, у тебя есть диплом электрика. [...] Поезжай в консульство, в Белград. Сделай паспорт и оставь, чтобы тебе поставили штамп из Швейцарии, чтобы ты мог работать. Ааа, говорю, для меня это очень хорошо. И говорю матери, говорю отцу, что поеду в Швейцарию. Что ты будешь там делать, в Швейцарии? Детей? Я поехал в Белград. Приехал. Сделали там ту визу. Как я был рад! Не знаю!]

Источники и литература

Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2007. 453 с.

Русаков А. Ю. Влахи. Большая российская энциклопедия: в 35 т. Т. 5 (Великий князь – Восходящий узел орбиты). М.: Большая российская энциклопедия, 2006. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705> (дата обращения: 22.05.2025).

Стамков Р. Селото Ума од постанокот до иселувањето на неговите жители. Богданци: Софија, 2019. 216 с.

Черняк А. Б. Мегленорумынский язык // Основы балканского языкоznания. Языки балканского региона. Ч. 1. (Новогреческий, албанский, романские языки). Л.: Наука, 1990. С. 221.

Atanasov P. Meglenoromâna astăzi. București: Editura Academiei Române, 2002. 408 p.

Atanasov P. Observații cu privire la unele aspecte ale influenței slave asupra meglenoromânei // Radovi Simpozijuma. Pančevo – Zrenjanin: Liberatea, 1977. P. 47–55.

Atanasov R. M. Valorile perfectului compus în meglenoromână // Limba română, LX (4). Bucureşti: Editura Academiei, 2011. P. 484–490.

Capidan T. Meglenoromâni. Vol. I. Istoria și graiul lor. Bucureşti: Cultura Națională, 1925. 225 p.

Friedman V., Joseph B. The Balkan Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 1052 p.

Guia S. Elemente de dialectologia română. Iași: Vasiliana'98, 2014. 382 p.

Kahl T. Мегленските Власи (Мегленоромани) и Исламот: Селото Ноти (Н’оти / Нотија) во Меглен и Нотијците во денешна Турција // Зборник на трудови од Меѓународниот научен симпозиум «Власите на Балканот», одржан на 09–10 ноември 2001 во Скопје. Скопје: Унија за Култура на Власите од Македонија; Институт за национална историја, 2002. С. 56–82.

Kazakov I., Chivarzina A. The stage of Megleno-Romanian nowadays in North Macedonia // Intercultural Diversity in the 21st Century Education: Inclusion and Social Equity / eds. R. Mihailă, G. T. Sipos, O. Botezat. Bucureşti: Pro Universitaria, 2024. P. 131–145.

Poplack Sh. What does the Nonce Borrowing Hypothesis hypothesize? // Bilingualism: Language and Cognition. 2012. No 15 (3). P. 644–648.

Ştefănescu A. Variație și unitate în limba română standard din Basarabia. Bucureşti: Editura Universității din Bucureşti, 2017. 368 p.

Wiegand G. Vlacho-Meglen. Eine ethnographisch-philologische Untersuchung. Leipzig: J. Barth, 1892. 78 s.

Κουκούδης Αστέριος I. Οι Ολύμπιοι Βλάχοι και τα Βλαχομογλενά. Μελέτες για τους Βλάχους – 3ος τόμος. Θεσσαλονίκη: Ζήτρος, 2001. 408 σ.

References

- Alisova, T. B., Repina, T. A., Tariverdieva, M. A. *Vvedenie v romanskuiu filologiju: Textbook*. Moscow: Vysshiaia shkola, 2007, 453 p.
- Atanasov, P. *Meglenoromâna astăzi*. Bucureşti: Editura Academiei Române, 2002, 408 p.
- Atanasov, P. “Observații cu privire la unele aspecte ale influenței slave asupra meglenoromânei.” *Radovi Simpozijuma*. Pančevo – Zrenjanin: Libertatea, 1977, pp. 47–55.
- Atanasov, R. M. “Valorile perfectului compus în meglenoromână.” *Limba română, LX (4)*. Bucureşti: Editura Academiei, 2011, pp. 484–490.
- Capidan, T. *Meglenoromâni. Vol. I. Istoria și graiul lor*. Bucureşti: Cultura Națională, 1925, 225 p.
- Chernyak, A. B. “Meglenorumynskii iazyk.” *Osnovy balkanskogo iazykoznaniiia. Iazyki balkanskogo regiona. Chast' I. (Novogrecheskii, albanskii, romanskie iazyki)*. Leningrad: Nauka, 1990, p. 221.
- Friedman, V., Joseph, B. *The Balkan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2025, 1052 p.

Guia, S. *Elemente de dialectologia română*. Iași: Vasiliana'98, 2014, 382 p.

Kahl, T. "Meglenoskite Vlasi (Meglenoromani) i Islamot: Seloto Noti (N'oti / Notija) vo Meglen i Notijcите vo denešna Turcija." *Zbornik na trudovi od Medjunarodnot naučen simpozium "Vlasite na Balkanot"*, održan na 09–10 noemvri 2001 vo Skopje. Skopje: Unija za Kultura na Vlasicite od Makedonija; Institut za nacionalna istorija, 2002, pp. 56–82.

Kazakov, I., Chivarzina, A. "The stage of Megleno-Romanian nowadays in North Macedonia." *Intercultural Diversity in the 21st Century Education: Inclusion and Social Equity*, ed. by R. Mihailă, G. T. Sipos, O. Botezat. Bucureşti: Pro Universitaria, 2024, pp. 131–145.

Koukoudis, Asterios I. *Oi Olympioi Vlachoi kai ta Vlachomoglena. Meletes gia tous Vlachous – 3os tomos*. Thessaloniki: Zitros, 2001, 408 p.

Poplack, Sh. "What does the Nonce Borrowing Hypothesis hypothesize?" *Bilingualism: Language and Cognition*, 2012, No 15 (3), pp. 644–648.

Rusakov, A. Iu. Vlakhi. *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia*, in 35 vols. Vol. 5. 2006. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705> (accessed: 22.05.2025).

Stamkov, R. *Seloto Uma od postanokot do iseluvanjeto na negovite žiteli*. Bogdanci: Sofia Publ, 2019, 216 p.

Ştefănescu, A. *Variatie și unitate în limba română standard din Basarabia*. Bucureşti: Editura Universităţii din Bucureşti, 2017, 368 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.07

I. I. Kazakov, A. I. Chivarzina

The Current State of Megleno-Romanian Language in the Context of Slavic – Non-Slavic Contacts (North Macedonia)

Ivan I. Kazakov

PhD Student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskiye Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7601-3287

Alexandra I. Chivarzina

Candidate of Letters, junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.chivarzina@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-0365-3723

Citation

Kazakov I. I., Chivarzina A. I. The Current State of Megleno-Romanian Language in the Context of Slavic – Non-Slavic Contacts (North Macedonia) // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 149–167 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.07

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00484-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00484-P/>.

Received: 22.05. 2025.

Revised: 03.08.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

This article examines the characteristics of the Megleno-Romanian idiom, drawing on dialectal texts recorded from a native speaker in Gevgelija, North Macedonia (originally from the village of Uma). These texts were gathered during an ethnolinguistic field trip focused on the funerary and commemorative traditions, and related terminology, among the Balkan Romanian-speaking population of North Macedonia, with a particular emphasis on the Megleno-Romanians. Documenting the speech of the few remaining speakers of endangered Megleno-Romanian is the primary means of preserving evidence of the language's current state. Researchers have always noted a significant Slavic influence on the Megleno-Romanian. Nevertheless, with the emergence of national languages and the language policies of the states in which Megleno-Romanian communities are located, an intensified impact of the respective languages on the idiom is being observed. This work focuses on the situation in North Macedonia. The analysis also includes a comparison of Megleno-Romanian in North Macedonia with earlier descriptions of the idiom. The article emphasizes the unique nature of the collected material, reflecting a speaker's spontaneous language in a specific ethnocultural context. Consequently, the gathered material is of significant value not only for Romance linguistics but also for Slavic studies, as it showcases linguistic phenomena resulting from close contact with the Slavic populations and Slavic dialects.

Keywords

Megleno-Romanian idiom, Megleno-Romanians, linguistic contacts, Slavic-non-Slavic contact zones, North Macedonia.